

Moralität ist indessen keine folgenlose Innerlichkeit. Mehr als ein “frommer Wunsch”, fordert sie die Aufbietung aller Mittel, soweit sie in der Gewalt des Handelnden stehen. Allerdings ist dort, wo die Kräfte nicht ausreichen und der Mangel nicht selbstverschuldet ist, die Defizienz keine moralische.

Moralität ist von der *Legalität* unterschieden, die einerseits, in bezug auf einzelne, die Übereinstimmung einer Handlung mit dem Sittengesetz ohne Berücksichtigung der zugrundeliegenden *Maxime* meint (“pflichtgemäß handeln”) und die andererseits, in bezug auf die Gemeinschaft, die Sphäre des Rechts bezeichnet, die das Dasein der äußeren Freiheit regelt. Aus der Legalität einer Handlung kann man nicht auf ihre Moralität schließen, da die entsprechende Handlung auch aus nichtsittlichen Motiven entspringen kann, so der Angst vor sozialer Achtung, gerichtlicher Verfolgung oder der Strafe im Jenseits.

Während bei *Kant* Sittlichkeit das gleiche wie Moralität bedeutet, führt *Hegel* aus Kritik am imperativischen Charakter von *Kants* Moralität und unter Rückgriff auf *Aristoteles* und das griechische Ethos die Sittlichkeit wieder als politischen Begriff ein, den er von der auf die subjektive Seite beschränkten Moralität abhebt. Die Sittlichkeit wird zum Inbegriff jener bei *Kant* zur Legalität gehörenden Institutionen Familie, bürgerlich Gesellschaft und Staat. In ihnen sieht *Hegel* das Prinzip der Moralität, die Freiheit, zu geschichtlich-politischer Wirklichkeit kommen. Allerdings soll damit nicht jede Form dieser Institutionen gerechtfertigt werden. Deren Interpretation als Wirklichkeit der Freiheit setzt vielmehr einen normativen Begriff dieser Institutionen voraus.

Отфрид Хёффе¹

Мораль (Moral), или нравственность (Sittlichkeit), накладывает особого рода безусловные обязательства на человека в его отношениях к другим людям, а также к природе и к себе самому. Нравственное требование, в отличие от правового, не подлежит обжалованию и должно быть исполнено не из боязни социальных санкций, а ради него самого; поэтому нравственность обращена к человеку как свободному разумному существу. Выполнение нравственных требований есть добро, осознанное их нарушение – зло. Хотя человек находится

¹ Отфрид Хёффе – профессор Тюбингенского университета. Автор переведенных на русский язык книг «Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства» (1994), «Справедливость: философское введение» (2007).

под воздействием многообразных биологических, психологических и социокультурных факторов, он не детерминирован ими полностью. Вступая в отношения с ними, выявляя, оценивая, признавая их значение или пренебрегая ими, пытаясь изменить их, человек реализует себя как нравственное существо и демонстрирует тем самым, что его разум действителен не только в сфере познания (в качестве *теоретического разума*), но и в сфере поведения (в качестве *практического разума*). В отличие от животных, человек сам несет ответственность за свои деяния.

Нравственность вовсе не иллюзорна, поскольку существует она не только в том социуме, где принята и всегда соблюдается абсолютно правильная мораль. Нравственность доказывает свою реальность очевиднейшим образом еще и там, где какие-либо поступки или институты, хотя и не соответствуют ее нормам, однако критически оцениваются людьми с позиций нравственно должного. Впрочем, практическая деятельность регулируется не только моралью. Так, технические и инструментальные нормы предостерегают от ошибок, препятствующих достижению «вещественных» (производственных и др.) целей; социально-прагматические нормы предостерегают от действий, наносящих ущерб индивидам или сообществам. В подобных случаях речь идет об ограниченном и обусловленном нормировании, тогда как требования нравственности носят безусловный и необходимый характер. Поэтому человеческая практика не сводится к тому, чтобы быть функцией для чего-то другого, она ищет в конечном счете смысл также и в себе самой.

Нравственность не ограничена какими-либо определенными областями и аспектами жизни – ни сексуальностью, ни чрезвычайными пограничными ситуациями, ни чем-то еще; нравственным называют ответственное ведение жизни во всех областях. Конкретная нравственная практика зависит от многих социокультурных факторов. Так как эти условия меняются, нравственность в ходе истории принимает разные формы. Нравственность не причисляет себя к вневременным, непогрешимым, абсолютным ценностям и нормам, поэтому ее не дискредитируют происходящие с ней на протяжении всей истории вполне очевидные изменения; напротив, без этих изменений она не могла бы обрести свой исторически-конкретный вид. Нравственность нельзя идентифицировать с какой-то определенной моралью, более того, она представляет собой такое безусловное нормативное требование, на основе которого мораль получает подкрепление или отвержение. Поэтому нравственность вполне совместима с критикой морали, даже предполагает ее; примером может служить критика морали возмездия с позиций морали любви (любви к ближнему и врагу).

Более точное понятие нравственности связано с основным представлением о человеке и его практике. Из всех попыток определить нравственность выделим две.

(1) Человеческое поведение рассматривается через призму характерной для греческого жизнепонимания «Никомаховой этики» *Аристотеля*, а именно – как стихийное движение к некоторой цели, как некоторое стремление, поскольку поведение можно считать осмысленным *самим в себе* лишь в том случае, если оно не является служебным, технически-прагматическим. Иначе поведение зависело бы не от самого себя, а от его результата, и при этом возник бы вопрос, ради чего оно совершается, и т.д. Но такого рода деяния не предполагают никакой принципиально высшей цели, благодаря которой они обрели бы свой смысл. Другое дело, если поведение является нравственно-практическим и если оно (будучи обращенным само на себя) имеет целью внутреннее совершенство. В конечном счете оно направлено не на осуществление какого-то определенного дела или удовлетворение некоторой потребности, а на реализацию нравственно ориентированных поведенческих интенций; например, в ситуациях, связанных с собственностью и деньгами, стремиться в первую очередь не к обогащению, а к тому, чтобы поступать справедливо. При всей необходимости техники и искусства для человеческого существования, оно только тогда является осмысленным, если имеет нравственно-практическую направленность. Нравственное поведение выражается в добром и справедливом сотрудничестве, которое складывается благодаря воспитанию и упражнению в добродетели и воплощается в intersубъективном этосе. Нравственность реализуется здесь как единство «субъективного» (т.е. добродетели индивида) и «объективного» (т.е. исторического этоса). Ее главный принцип, высшая цель – это счастье (эвдемония), понятое не как количественный максимум личного или общественного блага (в соответствии с утилитаристским идеалом), а как определенное качество, именно – самодостаточность (автаркия) разумного и справедливого сосуществования.

(2) Аристотелева модель лишь в первом приближении определяет человеческое поведение как определенное стремление, преследование поставленной цели. На уровне этоса предпосылкой успешной реализации целей является социальный консенсус по поводу сложившегося экономико-политического устройства, например, относительно того, какие именно принципы распределения благ и обязанностей следует считать справедливыми. Однако моральная критика от имени нравственности ставит под сомнение сам этот этос. Следовательно, человеческое поведение есть нечто более сложное, нежели просто нравственное «стремление». Кант заострил эту проблему, заимствовав основные элементы библейско-христи-

анской этики, не вписывающиеся в греческий образ мысли. По Канту, нравственность состоит не только в господстве над чувственными побуждениями, но и в независимости от них. Человеческое поведение движимо особым желанием, которое стоит в свободном отношении к самому себе, – т.е. автономным волением. Принцип нравственности – это не цель целей, т.е. счастье, а основа *самополагания* целей, т.е. свобода в смысле автономии. Кант мыслит нравственность как нечто противостоящее, с одной стороны, латентному произволу действующего субъекта, а, с другой – власти потребностей, страстей и инстинктов.

Нравственность проявляется поэтому в осознании субъектом обязанности совершения определенных поступков без оглядки на иные побудительные мотивы и без учета шансов на успешное осуществление своих обязательств. Требования нравственности обращены к существу, которое не в состоянии избавиться от чувственных побуждений и потребностей. Поэтому нравственность выражается в форме долженствования, в категорическом императиве, который требует от человека преодолеть свою чувственную природу столь радикально, чтобы в результате обрести разумную природу, свое собственное *Я*.

Нравственность понимается *Кантом* как ценностная характеристика субъекта, как его *моральность* (*Moralität*), означающая, что субъект принял нравственный закон в качестве определяющего основания своих поступков. Моральность проявляется в совести, образе мыслей, в добродетели. Вместе с тем нравственность как моральность не ограничивается одним только внутренним, душевным состоянием, «добрыми пожеланиями», она требует мобилизации всех средств, находящихся в распоряжении действующего субъекта. Разумеется, если этих средств недостаточно по независимым от субъекта обстоятельствам, то моральной оценке его действия не подлежат.

Моральность отличается от *легальности* (*Legalität*), которая, с одной стороны, применительно к индивиду означает формальное соответствие его поведения нравственному закону независимо от того, каковы реальные мотивы такого поведения; с другой – применительно к обществу она обозначает сферу права, регламентирующую «внешнюю» свободу действий. Из самого факта легальности поступка невозможно заключить о его моральности, поскольку он может быть совершен по каким-то иным, внеморальным мотивам, например, из страха перед общественным мнением, перед судебным преследованием или последующим возмездием в потустороннем мире в случае явного нарушения норм морали.

В то время как у *Канта* нравственность и моральность означают одно и то же, *Гегель*, критикуя императивность *Кантовой* моральности и апеллируя к *Ари-*

стотелю и греческому этосу, вновь трактует нравственность как политическое понятие, отделяя его от моральности как понятия всецело субъективного. Нравственность помещается в ряд тех социальных институтов, которые *Кант* относит к сфере права: семья, гражданское общество и государство. В них, полагал *Гегель*, свобода как принцип моральности находит свое политико-историческое воплощение. Конечно, не любая форма этих институтов подпадает под указанную интерпретацию. Напротив, примененное к ним выражение «действительность свободы» само уже несет в себе нормативный смысл.

Перевод с немецкого Л. Максимова

Helga E. Hörz¹

Ethik als Wissenschaft von der Moral untersucht diese in ihrer Komplexität, um ihre Entstehung, Entwicklung und Verhaltensorientierung zu verstehen. Damit deckt sie ihr philosophisch-weltanschauliches Wesen auf, das die konkreten Beziehungen der Menschen zueinander betrifft. Die Beantwortung der Frage, was Moral ist, bestimmt den Gegenstand der Ethik. Sie fällt in unterschiedlichen Kulturkreisen, Ethnien, Religionen, in sozialen Gruppen unterschiedlich aus. Moral umfasst Sitten, Riten, Traditionen, Religionen, Sprache, Kultur einer menschlichen Gemeinschaft. Selbst um den Zeitpunkt ihrer Herausbildung wird gestritten. Manche sehen eine Moral der Tiere. Modern ist es, von der Moral autonomer technischer Systeme zu sprechen.

Mein durch bisherige Forschungen begründeter Standpunkt ist: Moral bildete sich mit der Anthroposozio-genese früh als erforderlicher Regulationsmechanismus für die Beziehungen der Menschen zueinander heraus. Sie bewertet das Verhalten als gut oder böse und vermittelt Orientierungen für das Überleben und die Entwicklung der sozialen Gemeinschaft. Durch soziale Erfahrungen und Erkenntnisse, Bildung und Erziehung, überlieferte und vom Individuum aufgenommene Einsichten werden soziale Werte zu Moralvorstellungen vom Wohl und Glück, vom Sinn des Lebens, von Ehre, Pflicht und Verantwortung. Jeder Mensch entwickelt so seine moralischen Eigenschaften in Form von Tugenden, Gefühlen, Verhaltensweisen, dem Wollen und den Taten.

Überschätzung oder Unterschätzung der Ethik als Ausdruck moralischer Forderungen sind oft zurückzuweisen. Bei ihrer Überschätzung wird sie normativ verstanden. Es wird der Eindruck erweckt, es genüge, einen sittlichen Imperativ zu formulieren und

¹ Helga E. Hörz – Prof. Dr. sc., emeritierte Leiterin des Lehrstuhls Ethik am Philosophischen Institut der Humboldt-Universität Berlin.